

Плач Персефоны

Константин Строф

Константин Строф

Плач Персефоны

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21123934

Плач Персефоны/ Строф К.: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2016

ISBN 978-5-00098-070-5

Аннотация

Под видом текста представлен новый тип художественного произведения – роман-гербарий. Все кажущиеся непривычными и даже маловероятными события и персонажи существовали на самом деле и не могли не существовать, равно как и места, атмосферные явления и исторические нелепицы, даже сами слова – означающие в редком единстве совсем отличное кажущемуся. Рукопись предназначена исключительно для фонетического воспроизведения и оценки на слух. А последующая вскорости точка представляется наиболее реальным и притягательным среди содержимого сей удерживаемой навесу книги.

Содержание

Часть I

4

Конец ознакомительного фрагмента.

73

Константин Строф

Плач Персефоны

Часть I

Гадес

1

В его пробуждении был повинен внезапно оживший после многих лет забытья дверной звонок. Несмотря на мимолетность происшедшего, Пилад поежился и слегка удивился самому себе – столь неприятным предстал так хорошо знакомый прежде звук. Он проник в сон, нарушив царившее там обиходное безмолвие, и носился теперь по голове разноголо-сым эхом. Поначалу запыленный разум пошел по простому пути, не поверив в случившееся. Пилад не стал открывать глаз понапрасну, приписав нежданный всплеск скоротечного воздуха причудам иного, безнадежно утраченного мира, кусочек которого он, очевидно, умудрился протащить через все естественные преграды вслед за собой и который же парадоксальным образом разбудил его. У той несвоевременно спроваженной сферы не было ни выхода, ни дна, но где-то

нашлось худое место. Пошарив под веками, Пилад с досадой обнаружил, что картины покинутых им мест уже начали стремительно вымарываться ожившей памятью.

Но звук раздался вновь. Находящийся за дверью не унимался, отказываясь отступить в сновидение. Раз материализовавшись, ничто не захочет повернуть вспять, превратиться обратно в случайный, коротко живущий образ прихотливого забвения.

Звонок прозвучал в третий раз. Пилад, бесповоротно ощутивший самое себя – самое что ни на есть лежалое и бесформенное, – от неуютности стиснул зубы.

Холодный липкий пол окончательно привел его в чувства. «Быть может, почтальон?» – не без надежды пронеслось в пудовой голове. Опираясь для верности о стену, Пилад медленно пошел, прищлепывая по истертым половицам и криво усмехаясь собственной фантазии.

Умывшись отстоянной водой, он протянул руку и, не открывая глаз, долго не мог нащупать полотенце. И полотенце в итоге пришло, и лицо стало сухим и свежим, а голова – удивительно пустой и сносной, но звонок заголосил снова. Снова и снова Пилада настигали, хватали поучительно за уши, заставляли с дрожью убеждаться, что настырное присутствие постороннего не мерещится. Над раковиной в углу рыжеватая сатурния приготовилась сменить Пилада в той уютной, хоть и сырой лощине, с которой он наспех распрощался не так давно. Живя в потемках, да еще в таком соседстве, туч-

ности собственной летуша не стыдилась и считала излишним тратиться на яркие наряды. Ни на переполох нынешнего утра, ни на вопросительное движение хозяйской головы (за неимением лучшего можно величать «антикивком») она ровным счетом никак не отреагировала.

Давно привыкший встречать на своем пороге обитателей исключительно мира мертвых, Пилад даже не потрудился справиться, кто за дверью. Спокойно открыв ее, он поднял взгляд и оцепенел, без промедлений пав до состояния испуга. Перед ним совершенно явственно стоял человек – самый натуральный, часто дышащий, водящий руками, стыдливо опускающий глаза и скорее всего способный говорить.

Женщина растерянно оглядела Нежина... Подойдет для повести будничным костюм фавна, сатира, пана – любой другой нечисти теплых средиземноморских лесов, – конкретнее она сообразить не могла, пусть не сраженная явлением немолодого и абсолютно нагого мужчины, но приведенная в недоумение. Усилием воли она собралась с мыслями и уже решилась что-то вымолвить, однако в этот момент дверь захлопнулась перед ней так же стремительно, как и открылась.

Лицо женщины казалось странно знакомым. Но над этим не пришлось долго раздумывать: чрево зычно напомнило о давнем, не единожды уже отложенном намерении.

Из полудремы, в которой Пилад неизменно пребывал, стоя под душем, его вывел прежний звук, вертлявый и язвительный – эпитеты, вполне подошедшие бы какому-нибудь

шутнику, не правда ли? Вот только у одного определенно не вызывал улыбки этот не успевший начаться, но уже измаявшийся, точно больной младенец, день. Впрочем, звук вернулся несколько более робким. словно спохватившись, Пиллад поспешно вытерся полотенцем и отпер дверь.

Женщина никуда не делась. Нежин выглянул и осмотрел лестничную клетку, стараясь не касаться взглядом замершего силуэта.

Наконец, выпрямившись, Нежин пощелкал пальцами и равнодушно скосился куда-то в сторону. Вид у него теперь гораздо более приличествовал разговору. Помня прошлый опыт, женщина торопливо начала:

– Вы не помните меня? – попробовала она сразу заставить его говорить. Но Нежин лишь странновато хохотнул, издав в конце губами не совсем приличный пшик.

– Вы разве не помните? – снова попробовала она. – Это меня к вам направил Комитет. Меня зовут Ольга.

Где-то на нижних этажах охнула ушибленная дверь.

– Ольга Сергеевна, – тут же поправилась женщина, покраснев и с тем вместе похорошев.

Нежин повернул голову и какое-то время неподвижно смотрел перед собой, словно оценивая, вынудив ее тем самым что-то припомнить и отвести глаза. Он помрачнел и, кажется, потерял интерес, а отпущенный взор немедля съехал вниз. За тонкими неуверенными ногами, облаченными в бежевые колготы, бок о бок стояли два больших чемодана.

Решив, что он занят ее фигурой, женщина покраснела пуще прежнего, немного зайдя в роль девицы. Внезапно Нежин развернулся на тапочных мощах и бесшумно исчез в полумраке квартиры. Дверь, впрочем, на сей раз осталась открытой. Гостья попыталась окликнуть початую неизвестность, но ответа не получила. Недолго думая, она взялась за чемоданы и осторожно вошла.

2

Из кухни доносилось нестройное бряцанье столовых приборов. Ольга, немного постояв в прихожей и не дождавшись ни указаний, ни приглашений, сама проследовала на звук, украдкой заглянув по дороге в незапертые комнаты.

Нежин грузно сидел за столом и что-то сосредоточенно ел из стальной миски с громким стуком. Табурет под ним время от времени тревожно поскрипывал. Ольга осталась стоять в углу, и только когда едок поднял на нее вопросительный взгляд, прошла и села на единственный свободный стул. Проследив на уровне бедер за ее осторожным перемещением, Нежин вернулся к своему корму.

– Так вы меня не ждали? – вновь обратилась к нему Ольга. Ответа, как и в предыдущий раз, не последовало, и от досады, знакомой любой невидимке, ее бесцветные брови чуть заметно дрогнули, а ноготь мизинца принялся терзать щербатое пятнышко на краю непокрытой столешницы.

Томясь тишиной, обступившей ее в этом незнакомом жилище, Ольга сидела на стуле и, кусая покрашенные губы, мучительно пыталась придумать, с чего бы начать разговор. Она несколько раз с надеждой смотрела на Нежина, но ему в тот момент, помимо работы ложки, знать, все было безразлично. Обидно: при их прошлой мимолетной встрече в Комитете он казался гораздо более... человечным. Ничем не хуже других. Пусть странноватым, немного, пожалуй, даже хмурым и рассеянным, – но все это только отчасти. И согласие далось Ольге без боли.

А теперь вот кухня, жестяная дробь... В какой-то миг нечто внутри вдруг сжалось и отчаянно забилося, моля о свободе, и Ольга уже была почти готова сбежать, но Нежин без предупреждений встал во весь свой немалый рост и, порывшись в холодильнике, сотворил хлеб, ущербную пачку масла с комканой бумажной фатой, грушу, кусок вареного мяса на тарелке и все это протянул ей, даже проводив свои дары туманной, но все-таки улыбкой. Облегченно вздохнув, Ольга поблагодарила и спешно принялась сооружать себе бутерброд, точно хлеб вот-вот мог ожить в ее руках и, отпустив лапы, броситься прочь. Решено было не удивляться.

Есть, в общем-то, не хотелось, но заняться чем-то было для Ольги несравнимо лучшим выходом, нежели продолжать подбирать слова для несбывшегося монолога. Нежин тем временем с неожиданной ловкостью поставил перед ней чай в довольно изящной высокой чашке, расписанной блед-

ными ирисами и откровенно не шедшей его собственной посуде.

Из одной вежливости Ольга отрезала себе крохотный кусочек мяса. И то, как ни странно, оказалось вполне приличным на вкус, а она будто бы даже почувствовала аппетит, однако больше все же есть не стала.

Нежин между тем ушел в другую комнату и теперь копошился там, хлопал дверцами, двигал что-то, изредка кряхтя. Следом громко зашумела за стеной вода. Оставшись одна, Ольга поуспокоилась и почувствовала себя вполне счастливой. Расслабленно откинулась на спинку стула и, осматриваясь, недоумевала на свое чутье, так и засбоившее с определением зверя, водящегося в этом месте. Кухня была сильно затемнена плотными коричневыми шторами, потому, несмотря на ясную погоду, горели две лампы. Ольга протянула руку и впустила, сощурясь, немного солнца, но что-то подсказало ей оставить все по-прежнему. Пальцы сомкнулись, отдернулись, и свет покорно отступил.

Хотя везде в доме, как ей показалось, было чисто, здесь присутствовал определенный беспорядок. Было видно, что это место является средоточием жизни обитателя темной квартиры.

Ольга осматривала древние банки, теснящиеся на полках, и пила чай, когда Нежин вернулся обратно в кухню.

– Больше не будете? – спросил он, указывая на мясо движением головы. У него был низкий усталый голос, совсем,

как посчитала Ольга, не идущий внешности. Вероятной виной всему было долгое молчание его держателя, и Ольга, потеряв надежду, успела навообразить себе иного. Вообще-то даже разглядеть Нежина при их прошлой встрече она успела лишь мельком, сейчас же стало сильным испытанием ее первым впечатлениям. Не в худшую, однако сторону. Просто куда-то в сторону.

В Комитете мало озадачивались вкусами кандидатур.

– Наверно, нет. Спасибо большое. Просто два бутерброда для меня уже много, – соврала Ольга. Она съела один и не прочь была добавить чего-нибудь еще, но ей так хотелось быть хорошей.

Нежин взял тарелку и, подойдя к раковине, наклонил над мусорным ведром. Содержимое медленно сползло вниз, доложив о приземлении легким целлофановым треском.

– Зачем вы это сделали? – перепугалась Ольга. – В чем дело? Мясо было чудное. И... Я его после непременно бы съела.

Нежин повернулся и удивленно посмотрел на нее, точно не в силах уяснить концовку. Всякое «после» в этой обстановке, очевидно, не приходило ему в голову. Он ничего не сказал, а только слабо пожал плечами.

Немного постояв, словно в ожидании, Нежин виновато улыбнулся шкафу и налил себе полный стакан воды. Графин его представлял собой странноватое сооружение из стеклянной бутылки вышедшего из употребления образца с впаян-

ной в нее трубкой. От порывистости, с которой он двигался, немного воды пролилось мимо, но того не замечая, он быстро осушил стакан и поставил его на место, а прозрачная лужица тотчас сомкнулась вокруг впалого дна.

– Жажда, – протянул он, поглядывая куда-то сквозь непроницаемую штору. – Нечто, прямо скажем, странное происходит с этими чувствами.

Он еще раз улыбнулся, почти коснувшись взглядом кончиков Ольгиных пальцев, и ушел в прихожую. Ольга слышала, как он споткнулся о ее чемоданы. Вскоре скрипнул шкаф, зашуршала надеваемая одежда. Ольга поднялась и поспешила на звук, словно на зов. Нежин стоял перед зеркалом, но смотрел куда-то мимо. Под потолком теперь жужжала и конвульсировала над мушиным некрополем ртутная лампа. Все вокруг побледнело. Отодвинув к стене свои вещи, Ольга замерла, сцепив руки за спиной и сконфуженно потупив взор, теряясь за неоговоренным. Не обращая на нее никакого внимания, Нежин принялся влезать в пальто.

– Мне на работу разрешено пока не ходить, – запинаясь, начала Ольга. – Это, конечно, временно и исключительно ради дела, – Нежин различимо вздрогнул и потянул вверх воротничок пиджака, ставя его в стойку. – Ведь они не знают, как быстро все сложится... Надеюсь, вы понимаете. Я пока что подожду вас, разберу чемоданы. Помоюсь, если вы не против. Есть кое-что интересное... может, на ужин? Потом отдохну... почитаю, вас подожду.

Она не знала, что еще принято говорить истукану. Нежин, не оборачиваясь, украдкой посмотрел на нее через зеркало, поиграл пряжкой чемодана и в который раз неопределенно пожал плечами.

3

Вдалеке показалась знакомая дверь. Завидев Пилада, она непреклонно начала приближаться. Он угрюмо подчинялся, переставляя ноги и чувствуя, что замок его спокойствия пуст, в стенах зияют черные бреши, все сбежали, позиции оставлены неверными подданными и беззащитны. В царстве человеческих эмоций постепенность славится своей внезапностью.

За столько лет, коим один только счет учреждался полдюжины раз, он так и не привык к ежедневным встречам с людьми. На основе сомнительных соображений часть из них даже именовалась «коллегами по работе». Вся согласная кровь ушла в голову и теперь сочувственно шептала в висках. Пилад не утерпел – с отчаянием сорвал галстук, смял его на ходу и сунул в портфель, который заранее переложил в левую руку, пытаясь таким образом освежить другую. Большие неудобства ходили за Пиладом по пятам. И пусть руки ему никто давать не собирался, он был готов.

Несколько минут он еще стоял перед желтой – словно от собственной его флегмы – дверью. Было слышно, как за ней

уже шумят голоса, десятки голосов. Выхода не было. Пилад неуверенно взялся за медную ручку, еще не высохшую после чьего-то мокрого прикосновения.

Его повсюду опережали.

Ощущение было, словно, несмотря на отработанную незаметность появления, все взгляды мгновенно стали обращены к нему. В который раз...

– Гляди-ка, снова без галстука, – сказал Онучин Бергеру, оживляясь одной гунявой башкой на морщинистой бескостной шее. Обоим было под тридцать. И оба были самыми молодыми среди местных сотрудников. Их столы стояли рядом – прямо возле двери, посему их досужее двуглавое любопытство не пропускало ничего из происходящего (и проходящего) в этом месте. А непосредственность внешних изменений за окнами, кажется, еще больше обострила интерес. В силу своего возраста это были воплощенные надежды местного отделения Комитета. Нежин прекрасно знал, что никто ни на секунду не задержит взгляда на его строке, отмеченной стажем и образованием – впрочем, загадочными для него самого, – если пойдет речь о выборе. Молодые побегι – любые, даже паршивые – нынче охранялись ревностней священных быков на Крите.

Нежин слышал отпущенное его стороне замечание. По большому счету, никто и не думал таиться. К нему давно все относились скорее как к призраку, никого не терзающему и не донимающему, но все-таки ставшему скромной мест-

ной забавой. Возможно, благодаря невозмутимости он просто считался тугим на ухо. Но вряд ли.

Во всяком случае, оба привратника, редко меняющие присказки и рубашки, ощутив преимущества нового своего положения, очень быстро акклиматизировались и приобрели завидную расслабленность.

– Много хочешь. У этого уже никогда на место не станет, – раздался сзади тенорок Бергера, довольно странный для его возраста и нареченного пола. К тому же во всем его виде определенно проглядывало нечто геронтофилическое. Нежин до судороги сжал ручку портфеля. Старый кожаный напарник с треском внял ему. Оба проследовали дальше.

Родной неосвященный закуток был уже недалеко. Наскоро усевшись на бессменный, здоровьем не отличающийся стул, Нежин закрыл глаза.

Невзирая на необычайно наглое для этого времени года солнце, скоро нагревающее все вокруг, дотронуться до батарей было невозможно. Нежное Нежиново тело под костюмом быстро покрылось испариной. Однако, кроме него, жара, скопленная помещением, никого больше, похоже, не беспокоила. Все ворковало вокруг, и он на секунду ощутил себя запертым в огромном забытом инкубаторе, хозяин которого, разочаровавшись, пустил себе пулю в лоб, проделав лохматую дыру в потолке и небе.

Пилад знал, что еще по меньшей мере час его никто не найдет, поэтому он не спешил расцеплять век, смешивая в

потайной мясорубке все излишества, что проходили мимо головы и опрометчиво заглядывали внутрь. Его невидимое, открывшее границы тело летало по местам детства. Вид их отчеканился старой печатней настолько, что некоторые детали он помнил отчетливо даже спустя всю эту уйму лет. Звонкий голос вывел его из состояния самозабвенного парения, резко бросив обратно на землю, ту землю, что обжигала и грубила, но никак не хотела впускать.

Нежин испуганно прозрел. Девушка – он не сразу вспомнил, что зовут прелестницу Мишей, – стояла перед ним с улыбкой довольно-таки приветливой для лица ее красоты.

«Чего ей-то понадобилось? – пытался сообразить Нежин, спешно стягивая все неразбуженные последы. – Уж не подослана ли?»

Доброжелательность изящного, самую малость чернявого молодого лица выглядела совершенно искренней, и Нежин, мало-помалу перестав щуриться, ободрился. Даже придал своей крупной особи подобающую степенность. Но девушка, сказав однажды, теперь продолжала молчать. Казалось, она чего-то ожидает. Нежин посмотрел по сторонам и только после того кротко осведомился, что же ей угодно.

– А вы бываете гораздо ласковее, – пропела Миша, распуская лепестки. На последнем ее слове Нежин даже невольно сглотнул. – Ну не смотрите на меня так, словно я вас чем-то обидела. Пожалуйста, – сложились розовые ладошки, – будьте лапочкой, а уж я не подведу.

Вопреки просьбе Нежин продолжал всматриваться в неведомые Мишины глубины и, по-видимому, вел себя плохо, потому как она качала головой. А он в свою очередь еще чаще моргал, будто от нее исходило свечение, но ничего решительно не понимал.

– Сегодня у меня именины. Неужели вы забыли? – сдалась наконец Миша с притворной укоризной. – Я же вам напоминала за неделю. Напоминала и просила где-нибудь пометить. Одним словом, услышать поздравление от вас было бы для меня особенно приятно.

Нежин в продолжение этой приятности как будто онемел.

– Так вы меня не поздравите? – она демонстративно нахмурилась, при этом не убирая с лица улыбки.

– Я... конечно же. Вы не представляете, как и мне... – наконец промямлил Нежин, опустив глаза.

– Вы только не подумайте, что я такая эгоистка, – зачастила Миша, поигрывая пальчиками пантомиму и не обращая на его слова особого внимания. – Тайна рождения... Как бы поточнее выразиться... Ее священность для меня дорога в принципе. Все это удивительно и заставляет радоваться собственной жизни. С этой позиции день рождения любого человека должен быть всеобщим праздником. Вы ведь понимаете?

Нежин, надув щеки, кивнул.

– Но с другой стороны, я же не могу упомянуть обо всех, а про себя забыть сложнее, – она довольно улыбнулась про-

стоте и несомненности своих доводов. – Хотя, конечно, мы все созданы изначально прекрасными. Вы согласны?

– Определенно, – без задержки выдал Нежин, начав странно улыбаться.

– У меня такое чувство, – сказала Миша после недолгой просветленной паузы, – что вы непременно хотели еще что-то добавить.

Нежин отрицательно замотал головой.

– Так вы меня поздравляете? – спросила она с деланной строгостью.

Нежин открыл рот, но так ничего и не сказал, а вместо того лишь размашисто кивнул и согласно зажмурился – со стороны могло показаться, будто беззвучно чихнул.

– Ну вот и хорошо. Большое и нежное вам спасибо, – весело заключила Миша, словно за все время их разговора он извлек довольное количество букв и этого теперь вполне достаточно для составления любого предложения на свой вкус.

Нежин снова торопливо кивнул, характерно вжав при этом голову. Миша собралась было договорить, но промолчала, взамен того беспутно подмигнув ему.

День прошел на загляденье: незаметно и неспешно. Стрелки согласно указали нужную цифру. Нежин осторожно поднялся, с недоверием ощупывая ноги, и стал потихоньку собираться. Выходя из своего закутка, он нечаянно встретился глазами с Мишей. Она не проронила ни слова, и он вдруг остановился, как в ступоре, и с минуту стоял, безмолв-

но глядя в пол. Миша со своей подружкой, имени которой Нежин никогда не знал, сначала смотрели на него в немом ожидании, но вскоре отвернулись, чтобы не смущать и не смущаться без толку самим.

Девушки уже начали забывать про свое затаившееся соседство и переливчато заворковали, постукивая яркими окончаниями тонких пальцев по своим столам, но тут Нежин заговорил:

– Разумеется, должно быть приятно, просто чудесно. И главное, могло быть... Да нет, конечно, иного и быть не могло. Это счастье и удача.

Он все более багровел от натуги.

Девушки напряженно вслушивались, не совсем улавливая, что всем этим Нежин хочет сказать и к кому вообще обращается.

– Нежин, вы это мне? – спросила Миша очень мягко. – Если вы переживаете по поводу того, что забыли меня поздравить, то не стоит, я все понимаю. И вас прощаю. Все в порядке. К тому же я нисколько...

– Это счастье для родителей – иметь такую дочь, как вы, Миша, – внезапно выпалил Нежин, не заметив, как перебил ее.

– А-а-а... – Миша пришла в минутное замешательство. – Это... это очень мило с вашей стороны. Но все-таки я не считаю, что являюсь сама по себе чем-то особенным, а тем более... воплощением счастья, – она с доброй улыбкой раз-

вела руками.

Нежин не слушал. Он, судя по всему, нацелился сообщить еще что-то и замолкать пока не собирался.

– А у кого-то, – его голос окреп, – не так уж, впрочем, редко рождаются всякие. Всевозможные. Многообразие глупо и не знает приличий. Ведь вот как... Случается, что и такие, как я, – словно напомнил самому себе и многозначительно наморщил лоб.

На какое-то время повисло молчание. Вдруг Нежин повернулся и, таинственно улыбнувшись, удалился скорым извитым шагом.

Подруга Миши проводила его ошарашенным взглядом и только потом открыла, что их угол уже привлек внимание всех окружающих. Злобно сжав губы до белесых мышинных хвостиков, она повернулась к Мише. Та сидела в неподвижности, задумчиво отведя взгляд. Уголки красивого алого рта были чуть заметно приподняты. Даже на зов она не откликнулась. Безымянная в растерянности перегнулась через стол и потрясла Мишу за плечо.

– Что с тобой? – был ее нехитрый вопрос. – И что этот сейчас здесь устроил?

– Не знаю, – отрешенно протянула Миша.

– Редкий идиот, – проворчала подруга, брезгливо оправляя воротник блузки. Она произносила отдельные фразы с таким видом и оставляла после них настолько отчетливую паузу, что, казалось, могла бы вместо неизменных банально-

стей процитировать вдруг какое-нибудь всеми забытое, но выдающееся по глубине четверостишие. Не исключено, что собственного авторства. Однако и в этот раз она вновь промолчала, чувствуя себя неуютно в обществе невежд, но постепенно успокаиваясь.

– Не надо так, – сухо заметила Миша. Подруга удивленно посмотрела, округлив брови, но выражение Мишиного лица было совершенно серьезным. – Он же просто шутит, неужели ты не поймешь?

– То, как он натурально корчит из себя идиота, ты называешь шуткой? Или я тебя неверно расслышала?

– Послушай, дорогая моя, ведь ты о нем, сознайся, ничегоненьки не знаешь, – начала было Миша, но осеклась и махнула рукой. Тотчас спохватившись, она дружелюбно посмотрела на подругу, не желая портить отношения. Но та уже, по всей вероятности, успела позабыть о разговоре и, щурясь, сторбилась над сметой.

Миша постепенно снова впала в задумчивость, вообще-то не слишком свойственную ей прежде. В чем же счастье иметь такого ребенка, как она? И вообще, при чем тут дети? Подруга не сильно отстала в понимании. Миша безотчетно взялась за чашку с давно остывшим чаем и, сделав глоток, досадливо высунула кончик языка и легко прикусила его зубами.

Весьма довольный собой Пилад вел машину. Авто, приютившее его, было старое, но честное и безотказное. Между ними в последние годы сложились странные отношения. Пилад часто обнаруживал, что бесполоя пучеглазая жестянка завезла его не туда, пока он путешествовал по очередному коридору своего персонального архива. До определенной степени непонятно, как до сих пор ему удавалось без происшествий передвигаться по окрестным дорогам, практически не сосредотачиваясь на вождении.

В книжном магазине было почти пусто. Лишь один посетитель – немолодой, но довольно импозантный мужчина в оливковом пальто с искрой и тонких элегантных очках – стоял у стеллажа с научной литературой и дотошно водил пальцем по корешкам. Еще была Марта – любовница всех несуществующих мужчин. Самая сущность мироздания не позволила бы оскорбить ее и назвать продавщицей; это было нечто совершенно неповторимое, неразрывно связанное с космосом, ежеминутно подмигивающим ей, и этим безлунным местом. Здесь был и дом ее, и храм. Неплохо бы знать, что при своем образе Марта, если не брать во внимание газеты (любой давности), вообще ничего не читала. Между тем по ее обычному, всегда примерно одинаковому виду нельзя было сказать, прочла ли она все книги разом уже давным-давно,

еще в первом своем резвом тысячелетии, или ей – по причинам понятным – просто-напросто нечего было в них открывать, просто-напросто выпроставшей свои безудержные краски на волю.

Она стояла у деревянной решетки, отделяющей своеобразный загон для вымирающих книгочеев, спиной к залу. Хворая перегородка тревожно изогнулась под напором священных бедер. При этом руки Марта сложила под грудь, а голову повернула вбок. Вошедшему Нежину она равнодушно кивнула, словно они были пожилыми супругами. А вот первый посетитель ее явно занимал. Не было сомнений: именно для него она и простаивала сторожевой сиреной на ветру. Нежин проходя обратил внимание, что подол неуместно длинной Мартиной юбки задрался и скомкался в застенках ее внушительных форм. Вид оттого она имела малопривлекательный и даже несколько курьезный. Выражение непоколебимой уверенности на ничего не подозревающим лице тешило взор вдвойне. Нежин кивнул ей в ответ и молча прошел к стойке уцененных книг.

Он оставил перочинный нож, который до этого нервно теребил в кармане, и невольно заулыбался. Не идущую его лицу радость вызвал давний знакомый – ультрамариновый корешок, принаряженный серебряными буквами. Березовый сок заструился по сердцу, клешня осторожно вынула желанный том. А членистые лапки сами повлекли к алтарю кассы. Страждущий до науки тем временем грубо покинул магазин,

так ничего и не выбрав, даже не поспав взгляда над книжными полками. Марта – главное его упущение, – не скрывая своего раздражения, взяла протянутую ей книгу. Нежин, криво улыбаясь, стал рыться в бумажнике.

– Что тут у нас? – процедила Марта с досадой. – Берега... Какие там берега? – бросила она вслед волосатой руке, уже сунувшей том в необъятный карман пальто. Нежин ответил ей, без какой-либо насмешки.

– Угу, – пробурчала Марта, записывая название в розовую тетрадку, собственноручно ею разлинованную. – Не надоедает? Все вас на такое тянет...

Нежин смущенно пожал плечами.

– Какая там указана цена?

Нежин ответил, зная, что никто не оценит его честность.

– А-а, она, дорогуша, значит, из уцененных. Ну и прекрасно. Кто бы ее, кроме вас, купил? К тому же, – добавила Марта бесстрастно, – после следующего пересмотра все подобное будет скорее всего удалено с магазинных полок.

– А из-за чего снижена цена? – тихо поинтересовался Нежин.

– Да пары страниц там не хватает. Недавно, помнится, обнаружилось. Парень один, кажется, студент, собирался купить, но не обошелся, чтобы не полистать. А там как раз титульной страницы-то и не оказалось.

– Снова страниц не хватает? – удивился Нежин.

– Это не так уж редко бывает, как вы могли бы подумать, –

серьезно заметила Марта, уже, зная, позабывшая о недавней осечке.

Нежин понимающе кивнул.

– Еще что-нибудь посмотрите? – спросила она, почесывая резинкой карандаша ложбинку между грудей. С такой, стоит отметить, непринужденностью, что Нежин ощутил себя евнухом.

– Не сегодня.

Они попрощались. Один, ссутулившись, отправился дальше. Другой было заказано покидать стены храма.

Необычная для этого времени жара была очень обманчива: к вечеру стабильно возвращалась промозглость. Пилад пожалел, что не надел под пиджак жилетки.

Руль и легкая тревога холодили ладони. Пилад неторопливо ехал с размеренно виляющей машиной, постукивал по рулю окаменелыми пальцами, но тот все не нагревался. Хотелось остановиться, отстегнуть руки и понежиться у костра, положив в него ступни. Пилад в задумчивости поглядел вправо, и по коже его прошел холодок. К частоколу деревьев, утекающих чуть вдалеке, приник огненный глаз. Как бы быстро ни крутились колеса – диск не отставал от них. Нежин отвернулся и, забыв о холоде, налег на руль и педали. Оставалось лишь разыграть безучастность, но с противоположной стороны обнаружился бледный двойник. Надежны отныне только пары... Навязчивое сопутствие очень скоро разозлило Нежина. Те двое плыли параллельно – будто

бы вели его по какому-то, известному только им направлению, любезно преграждая пути к бегству. Злость рассеялась, сменившись растерянностью. Куда бежит эта дорога? Нежин почувствовал озноб и, чтобы его как-то унять, еще крепче стиснул счастливый руль и втянул уязвимую голову поглубже в плечи. И через некоторое время выехал на чистое место. Желтый – заметно возросший – диск следом вылетел из-за деревьев и уже даже не думал прятаться. К тому времени он успел приблизиться к земле и вальяжно скользил у самой поверхности, пытаясь постепенно вклиниться в ее твердь и багровея с натуги. От волнения небо вокруг приобрело цвет гладкой девичьей ягодицы после доброго шлепка. Не замечая всей окружившей его прелести, шар почти полностью влез в землю, так что виднелась одна воспаленная лысина, на которую, ликуя, уселась распухшая румяная округлость.

Снова стали появляться деревья. Сначала одно справа, другое вслед за ним метнулось влево, опять – справа, следующее – бегом влево. Без шуток – этот путь был кем-то проложен заранее. Между тем разомлевший диск уже совсем не пугал, было видно, что он тут по своим постыдным делам, а на Нежина обратил внимание из одного любопытства и желания стороннего подглядывания. Нежин незаметно въехал в рощу, и его мгновенно окружил плотный массив малокровных юных деревьев, ропщущих в полумраке перед свидетелем великой смерти. Сквозь них Пилад еще несколько секунд различал отблески солнца, но затем все окончательно потух-

ло. Пилад знал, что уже не увидит его, когда роще придет конец. А возможно, что и никогда.

Пилад гнал, боясь глянуть в зеркала. Пилад ведал, что мир разделился и он сам на границе; и оба автомобильных зеркала черны от надвигающейся сзади тьмы.

Отчаявшись унять растревоженное сердце, он незаметно подкатил к дому. В ту пору кроткое небо уже давно подчинилось новой, бледной, но экстравагантной хозяйке, полностью перекрасившись на ее вкус. Правда, земля со времен его оскопления отличалась еще меньшей преданностью. Каким же оно было в ту далекую пору? Какими красками вспыхивало и чем изливалось на потрескавшуюся грубую поверхность?

На одной из ступенек, закругленных ради тысяч беспокойных подошв, Пиладу попался горелый кот. Он всегда лежал на одном месте. Пилад машинально перешагнул через него и продолжил свой подъем. Никто, кроме него, не знал, что кот давно выпотрошен им и изжарен. Ввиду чего он так и лежит посреди лестницы по сей день, и никто не решается поднять его и съесть.

5

Чувствуя под ребрами легкий смешанный зуд радости и нетерпения, Пилад, не раздеваясь, прошел в свою комнату с туфлями под мышкой. Квартира принадлежала ему без-

раздельно, однако упрямо выделялась одна комната среди всех прочих. На полу вдоль стены стояла его небольшая, но отборная библиотека. Пилад, не глядя, поставил обувь на подоконник и сел за стол. После долгого рытья в ящике он наконец посветлел и благоговейно извлек два листка, которых жаждали его потрескавшиеся пальцы. Вызволенную не так давно, еще по-особенному пахнущую книгу Пилад раскрыл в соответствующем месте и аккуратно вклеил недостающие страницы, тотчас признательно зашелестевшие в едином с остальными беге. Воскресшую он любовно погладил по матовым щекам и глянул на ряд разноцветных корешков, обещающий в скором времени достигнуть противоположной стены. И все же библиотека собиралась очень медленно. Если раньше в его распоряжении было целых шесть книжных магазинов и одна лавка с продавщицей-карлицей, падкой на паштет из птицы, то теперь остался всего один. Разумеется, очень многое зависело и от прочих читателей, а главное – от их внимательности и совпадения хотя бы минутных интересов. В этом отношении Пилад тайно вел неутешительную статистику, приравнивая ее время от времени к судьбе. Данную книгу Пилад рассчитывал получить гораздо раньше. Хотя, к примеру, четвертый том одного никак не обретаемого «Времени» он ждал целых два года; а кое-что, отчаявшись, уже купил за полную цену.

Но бывало, сказать по правде, много хуже: случалось, какой-нибудь рассеянный конкурент, напевая, уносил один из

намеренно покалеченных томов, не заметив изъяна. О тех своих беглых сиротах Пилад скорбел превыше всего и продолжал со слепой надеждой хранить отчужденные от них листки, изредка их разглаживая и перелистывая под наплывом незваного воображения. А утомительно чувственная, словно шимпанзе, Марта даже не подозревала о численности спящего на ее полках Пиладова войска.

Дверь за спиной у Пилада внезапно скрипнула, вырвав из-под него стул и вылив на загривок дрожь, точно он был занят чем-то кропотливым и бесконечно интимным. Когда он на скорую руку успокоил заглушающее все вокруг сердце и вышел из оцепенения, позади раздались шаги.

Резко обернувшись, он увидел женщину, испуганно окаменевшую в стене. В свете настольной лампы она показалась Нежину восковой. От неожиданности книга выскользнула у него из руки и, перевернувшись несколько раз в воздухе, упала на пол – будто дала пощечину. Переplet надсадно треснул. Нежин как-то странно оскалился и выставил локти. Бело-желтая прищелица, всплеснув руками, торопливо нырнула в тень и осторожно, словно то было раненое животное, подняла ушибленный том. Нежин выпученными глазами провожал все ее движения.

– Простите. Я постучалась, но вы не отвечали, – посыпались на Нежина торопливые оправдания. Тем не менее глаза от него прятались, а большие пальцы как-то слишком вольно гладили округлость корешка. – Я уж подумала, не случилось

ли с вами чего. Вы прошли мимо меня, не сказав ни слова. С непонятым выражением на лице.

Она сбилась, должно быть, сознавая, как мало ей удалось сказать.

– Черт побери, я все могу понять, – вдруг огорошил Нежин. – Но что вы делаете в моем доме? – он говорил сдавленно, задыхался от волнения. Однако сквозь перезвон в ушах понемногу начал что-то припоминать и, вдруг замолчав, погрузился в раздумье.

Женщина в свою очередь принялась что-то объяснять, но, увидав выражение, которое приняло лоснящееся угрюмое лицо, тоже замолчала. Книга все еще была у нее в руках. Заметив это, женщина поспешно положила ее на стол, проведя напоследок пальцем по обложке – как оправляют молодым любовникам лацканы, – и шагнула обратно к стене.

Обрывки сказанного беспорядочно шевелились, нежась на сквозняке; вслед за ними и мысли потеряли покой, принялись переползать с места на место. Не впервой им было игнорировать оклики. Одни вгрызались в хвосты другим, третьи приклеивались боками, скульптура начинала обретать форму. Не дожидаясь пластического триумфа, Нежин взглянул на застывшую бесцветную фигуру. На оголенном плече были отчетливо видны два втянутых неровных рубца – след незаслуженного счастья. Две глубокие ямки на блеклом пергаменте, в которых угнездились две продолговатые тени.

Внезапно внутренности Нежину сжала совершенно незна-

комая злоба. В памяти мелькнуло искаженное временем и крыльями поденок лицо Веры. Он вскочил с поднятыми в воздух руками и, не касаясь ими перепуганной Ольги, стал, точно безумный жрец, оттеснять ее в прихожую.

– Пора уходить. Пора, – бормотал он. – Негоже так. Ночью нельзя. Ночью все становится явным.

Ничего не понимающая Ольга в смятении отступала назад. Выйдя в прихожую, она запнулась о половик и неуклюже упала. Нежин, определенно недовольный этим обстоятельством, и не думал помогать. Он продолжал повторять бессвязное и понукать жестами ее, жалкую и обескураженную. Не понимая, чего от нее хотят, Ольга поднялась и направилась в кухню, но Нежин забежал вперед, преграждая дорогу. Он подхватил со стула полотенце и принялся махать им, словно отгонял назойливую муху.

– Прекратите, прошу вас, – выкрикнула Ольга. – В чем дело?

Нежин все еще пробовал наступать, но она, найдя некий источник уверенности, лишь сложила на груди руки, не двигаясь с места.

– Вам пора уходить. Наступает ночь, – вдруг быстро и тихо проговорил Нежин, остановившись и опустив глаза.

– Я никуда не пойду, – решительно ответила Ольга. – Тем более сейчас.

Нежин затравленно взвизгнул и бросил никчемные кулаки, жаль, не забытые над костром. Ольга попробовала взять

его за плечо, но он тут же вырвался и убежал в свою комнату, прихватив полотенце.

6

Пилад ходил из угла в угол. Несколько раз останавливался и бешено сжимал челюсти, выдавливал хруст из пальцев, но затем вновь отправлялся к стене, пульсирующей бесчисленными сердцами-георгинами. Дул под ноги, в отчаянии растирал шею. Эта женщина, конечно, ни в чем не виновата, судил он, и от нервных противоречивых дум сбивался уверенный шаг. Не виновата, но в данном случае она на их стороне, и вместе они заплучили в сети конька для своего аквариума. Пилад резко – сколь позволяло чешуйчатое тело – повернулся и сел на диван. Это еще надо иметь определенные способности, чтобы просто так собраться и заявиться в чужой дом, жить – уточнял он с коликами и неприязнью. А в планах и не только жить. Пилад чувствовал себя начисто опустошенным. Пусть короткая, но сцена, посторонний человек, человеческие голоса – все это было в корне непривычно для этого дома. Пилад свесил отяжелевшую, несмотря на звон, голову, расправил хвост и мгновенно заснул.

На кухне никого. Пилад на цыпочках прошел к столу и сел. Он спал в одежде, и теперь все тело казалось чужим. Людей, живущих в одиночестве, упоминание подобных ощущений вряд ли оставит в долгих размышлениях. Пилад, мелко подрагивая в утренней прохладе, быстро погрузил в себя кусочек позавчерашнего пирога, запил холодной, не проснувшейся до конца водой и потер о край подоконника зудящую пятку. Замер. Прежняя стояла тишина. Может, никто и не приходил? Чего только порой не породит сон разума вместе с несвежими продуктами.

Сегодня Пилад решил обойтись без пальто. Небо, заглядывающее поверх штор, не предвещало ничего дурного. Уже выйдя на лестничную клетку, он услышал, как в глубине квартиры скрипнула дверь спальни и раздались тихие шаги. Пилад с подергивающимся, непрерывно меняющимся лицом немедля затворил дверь. Разбуженный ключ проворно скользнул ей в чрево.

Подъезд выходил мутными бойницами на восток и в этот час был уже залит ярким солнечным светом. Пилад стал бодро спускаться вниз по лестнице: руки держал поднятыми, словно арлекин, балансирующий на шаре; ни просаленных перил, ни змей он не касался. Кот был на прежнем месте, ступеньки тоже.

По понятным причинам Пилад не пользовался лифтом.

8

В это утро его никто не беспокоил, и он беззвучно погрузился в измерения, где еще не был ни Нежиным, ни Пиладом.

Он не мог вспомнить, когда последний раз видел сны, и такие самочинные путешествия во многом служили заменой. Места, приходившие когда-то давно, преображались памятью, через неведомые каналы прихотливо проникал смолотый поздней песок, но при всем отчетливость не угасала, и местами проступали стежки нитей. Тело теряло весомость, ноги не касались земли, и сознание передвигалось настолько стремительно, выхватывая все новые и новые картины, что он почти летел. Все происходило плавно, как в фильме, без малейших задержек, и сомлевшему зрителю ни разу не доводилось видеть пустой холст на месте декораций.

Ветер подхватывает душу. Знать, в тех краях он дует, куда пожелаешь.

Заросшая, едва различимая для глаз тропинка петляет между зарослями папоротника и выходит к дому, в котором провел почти половину жизни. Оглянись: за спиной раздвоенный матовый ствол, каким похвастать может одна лишь молодая ольха. Если провести рукой сквозь густолиственные клейкие ветви, легко нащупать на их конце плотные милые

пишечки. Неспроста. Такие позволены не всем. Под ногами все те же папоротники, а между ними – все та же тропинка. Кому-то известно – как то, что есть у него ноги, – на другой ее оконечности пруд. Заросший, сообщающийся по весне тонким блудливым ручьем с рекой.

Мгновение – и беглец уже на топком берегу. Огромная ива нависает над темными стоячими водами и не отпустит так просто. Эмбла – ее объятия сразу за материнскими. Она отвечала упруго, пуская пышными космами круги по воде. Женщины, появившиеся после, были неизбежно сравниваемы с нею – любовью тайной, изначальной. Лежа, сонно плеща на берег, он видел в зыбких разводах, как три хмурых брата с багряными лбами пришли без приглашения. Они мало походили друг на друга и, вооружившись лезвиями, корпели над двумя древними куклами, отворачиваясь, таясь. По любовнице чувствовалось: одного из братьев гораздо больше заинтересовала простая идея – выстрогать нечто новое на собственный вкус из податливой извитой древесины. У двух других стало туго с выбором.

Никто с тех древних пор больше не приходил на пруд. Никому он не был нужен. Никто не навещал маленькой сладострастницы, не открывал ей своего имени и надежд. Кроме одного. Но и он никогда не погружался в неизведанные воды и не испытывал страха, растянувшись в прохладной близости от своих отражений, поддерживаемый зеленой, немного дородной любовницей – с невидимой душой и спрятанным

от непрошеного света срамом.

Вернувшись в те места спустя много лет, он нашел ее изменившейся. Приплывавшие греки называли ее «попрыгуньей» – и она не дождалась его. Замена нашлась в глубине кобальтовых вод, куда она опустила свой стан, бесстыдно распахнув в надломе у самой земли и сухую суть свою. Она постарела, но не увяла, даже больше прежнего расцвела, высунув свежие локоны из воды наружу, отекала и разбухла от нескончаемых, новых для нее ласк. А пресытившийся холодный пруд хранил молчание. И понял околпаченный юноша, что не его возносила дева над водой, а к ней, напротив, тянулась изо всех сил, не гнушаясь иным часом и его помощью. В конце концов не выдержала и сломалась. Он не имел того, что ей было нужно, пока еще была молода, и вот теперь восполняла это буйным закатным цветением. В достатке и пороке.

Мгновенный бросок сквозь утраченное немое пространство – он уже спотыкается о домашний порог. От стен – крепкий запах олифы, упрямо не выветривающийся долгие-долгие годы. Куда-то закатился он сам, маленький и неуловимый. А большой стоит посреди солнечной комнаты, не зная, что делать. Надо срочно найти своего предшественника, как бы странно это ни звучало.

Знакомый шифоньер. Если открыть – попадаешь в хранилище неуместных фотографий. Это первое, что занимает глаза. А еще терпкий дух старости и нафталина. Хлип-

кие фанерные стенки выпуклы, как коровьи бока, от непролазных залежей тряпок, опрометчиво ждущих своего времени. С портретов, теснящихся внутри, замерев, сурово глядит другая эпоха: чистые от бетона, асфальта и проводов пейзажи, сытые скотинки, а большей частью – лица никогда не виденных пращуров, повинных быть узнаваемыми, а ты – чутким.

А странный местный обычай держать свои физиономии в постоянном напряжении, оказывается, отнюдь не нов, и нет повода бранить по скверной привычке одно только время.

Под высокой пружинной кроватью, навевающей воображению виды старинных острогов, – владение пыли, и больше ничего. Может быть, один-два прошлогодних лесных орешка с прилизынными, как у картонных школьников, шевелюрами. Точно зная, что они пусты, все равно, обтерев пыль, пытаешься разгрызть.

А вот и сбежавший. Сидит под круглым, вечно не находящим полной опоры столом. Что-то высматривает за окном с неуместной, как и многое другое в этом возрасте, внимательностью. Если сесть на корточки и слиться, так чтобы соединились зрачки, можно понять, что же заставило тогда укрыться и застыть.

Неожиданно кликнул по имени отец. Мягко, но настойчиво. Пилад уже не помнил его голоса, но точно знал – это он. Услышать хоть что-то в этих местах – явление чудное, на какое нельзя безнаказанно махнуть рукой. Обычно там про-

стирается не боящаяся ни тьмы, ни солнца тишь. Но голос слышен совершенно отчетливо. Он доносится отовсюду. Наверное, отец видит его, скорчившегося под столом, все понимает и не торопится выманить оттуда. Потому в его тоне нет ни вопроса, ни недовольства. Значит, можно еще немного побыть в своем укрытии. Пилад бы очень хотел увидеть отца, живым хотя бы настолько, и уже было повернулся, но вспомнил, что еще не закончил с окном, не узнал, чем прельстился там его докучливый спутник, и потому сосредоточился пока на нем, не обращая внимания на повторяющиеся оклики.

Вдруг в окно всунулась отвратительная лысая голова. Покрывшись испариной, Нежин тотчас узнал ее владельца. Голос перестал звать его по имени. Испугавшись, что разочаровал кого-то очень дорогого, но не додумывая до конца, Нежин закрыл собой рассыпавшиеся листки, протянул руку и ладонью с силой вытолкнул возникшую голову обратно в окно.

На какое-то мгновение повисла тишина. Нежин настойчиво вслушивался, но солнечная пыль все реже вздрагивала за его спиной. Он открыл глаза.

– Нежин? Не-жин? Вы меня не слышите или притворяетесь? – Вместо отца перед ним опять возникла та скользкая, словно очищенное яйцо, большегубая голова с редкой бесцветной растительностью.

Онучин. Знакомое выражение: как будто бы неполного

опорожнения. Эти вечно влажные, огромные, словно изъеденные щелоком губы.

– Можете продолжать молчать, – снова начал он, – но Иоганн Захарыч вас ждут у себя. И не говорите потом, что я вам не передавал, – запустил руку в карман и стал медленно перебирать в паху.

На помощь совершенно растерявшемуся Нежину случилась добрая Миша.

– Не надо к нему лезть, – кивнула она довольно бесцеремонно. – Со старшими так не разговаривают. Что у тебя?

– Старший, тоже мне, – ухмыльнулось ей в ответ. Миша влекла помыслы, и Нежин со всем его гротескным даром уже был за бортом. – Старейшину желает видеть у себя на коврике Иоганн Захарыч, – роль идиота была разыграна мастерски.

Онучин приблизился и с неизменной ухмылкой приобнял Мишу, отчетливо коснувшись большим пальцем края ее груди. Миша, преисполнившись внешнего негодования, все-таки несколько лениво оттолкнула Онучина в сторону.

– Зачем понадобился он отцу? – спросила она, строго скрестив руки на груди, при этом довольно тихо и тоном, Нежина не касающимся. Под нахмуренными бровями еле заметно скользила улыбка. Казалось, речь идет о постороннем.

– Мне-то почем знать? – был один из показательных номеров в исполнении Онучина.

Он потянулся своим устрашающим ртом, но был останов-

лен одним протянутым пальцем. Напоследок картинно развел свои длиннющие руки и, пританцовывая, пошел прочь.

Не успел он ступить и двух шагов, как Пилад был у него за спиной. В нижнем ящике его рабочего стола давно томился стальной зуб от старой уставшей бороны, взятый в город из жалости. В своем дальнем углу он изредка поскуливал, бился о стенки, когда ящик захлопывали ногой, не балуя и лучиком света. Но он был чуток слухом, и вера в нем крепла. И хоть бока его порябели от ржи, взгляд еще хранил пронзительный блеск. А вот теперь он потух, нырнув в правый бок пониже ребер, но оказался слишком туп и отскочил. Не теряя времени и не растрчивая запала, Пилад, размахнувшись, хватил четырехгранным своим подмастерьем по скошенному плешивому затылку. Со стоном и вульгарной расхлябанностью тело опустилось на каменные плиты. «Где бы тебя взрыхлить?» – отдуваясь, прохрипел Пилад и склонился с полным сознанием дела. Зуб сквозь одежду нащупал межреберье. Наученный прошлым опытом Пилад взял с первого стола черный бюст и его основанием вбил зуб наполовину. Через рану со свистом пошел воздух, и по металлу поднялась кровавая пена. Но Пилад быстро заскучал. Он тронул свою жертву, выдавив стон и легкий хруст, и, не удовлетворившись, извлек присмирившее оружие. Он грустно посмотрел на него, обтер о штанину и заколотил напоследок в глазницу, безрадостно плюнув на утихшую жизнь. Миша, зачарованная подробностями расправы, не торопилась пово-

рачиваться к Нежину, пребывая в странной задумчивости, совсем не похожей на ту, что оставил по себе он после их прошлого разговора.

– Вас ждет Иоганн Захарыч, – наконец произнесла она, обратив свой предварительно очищенный взгляд Нежину. – Думаю, не стоит испытывать его душевные качества, – в сопровождении снисходительной улыбки старшей сестры.

Нежин, под видом старого мухомора не произнесший до тех пор ни слова, поднялся и неуклюже выбрался из-за стола. Пот бисером высыпал на его высоком пологом лбу.

– Ни за что... То есть странные шутки, я хотел сказать, – быстро проговорил он, усиленно двигая бровями. – С вашей стороны... это было смело и... – он замялся, мгновенно поникнув от своей запинки, – великодушно.

Кажется, он бы сказал иначе, но не вытерпел и произнес первое попавшееся слово – совсем не то, что нашаривал язык где-то за небом. Решительно повернувшись, Нежин сжал кулаки и быстро ушел, не преминув, однако, попутно боднуть коленом чей-то стол.

– Дурак, – веско заметила подруга, наблюдавшая всю эту сцену с самого ее начала.

– Артист, – произнесла Миша одними губами, глядя ресницами удалявшийся грузный силуэт. – Только кто? Бедный...

Портрет получился совсем непохожим, но в значительной мере преображал: добавлял мужественности очертаниям и электричества глазам. Иоганн Захарыч Сочин еще раз бросил беглый взгляд на лоснящийся свежими красками холст. Не узнав себя в этой оправе крепкой переносицы и несокрушимого подбородка, он остался в целом доволен и окончательно решил на переделку портрет не отдавать.

А Нежина все нет.

Уже прошло полчаса, как было сказано его привести, а он не появляется, словно нагло умаляя непреклонность так прекрасно переданного широкого лба.

И еще новые ботинки мучительно жали.

Где же носит чудака? Возможно, конечно, что этот болтливый вертлявый кретин забыл поручение. В то, что он мог попросту наплевать на него, Иоганн Захарыч пока поверить отказывался. Он отломил у сигареты фильтр и вставил полученный обмерок в синюшные губы. Блеснув золотыми часами, закурил.

Иоганн Захарыч был обеспокоен: слишком эти молодые возгордились в нашедшие времена. Хотя, на его вкус, что Онучин, что Бергер, что Нежин – все были одинаково ничемны, все – в той или иной степени продукты нового времени. Иоганн Захарыч мысленно поставил их рядом. Первому

можно смело состязаться с верблюдами по длине плевков, второй при своей плюгавости не устаёт доказывать, что имеет за плечами чуть ли не десять поколений виднейших докторов, а о третьем и говорить не стоит, такого лучше один раз увидеть. Но черт с ними. Главное, что он сам остался при своем, несмотря на все перестановки и нововведения, происходящие повсеместно. Даже болезнь не выбила его из насиженной колеи, несмотря на то что врачам поначалу он казался безнадежным.

Иоганн Захарыч не удержался и снова взглянул на портрет. Борода прекрасно маскировала отметины на лице. Зеркала под рукой не было, но Иоганн Захарыч на сей раз был готов поверить искусству. Хотя кое-где портрет явно перевибрировал и борода рисованная была определенно длиннее и гуще, без проплешин у скул. Но еще отрастет, не беда, и живопись ведь – не фотография, недостойно ей, кажется, стремиться к буквальности. И что-то, очевидно, принесено в неизбежную жертву колориту.

При необходимости Иоганн Захарыч готов был поступиться нажитым прагматизмом, достигшим в последние годы размеров шара у скарабея, незаконномерно утратившего, правда, свой культ с бегством времен.

«Несокрушимый» – так ведь и было сказано, не правда ли?

Из сладостного созерцания Иоганна Захарыча вывели тяжелые шаги за дверь. Он молниеносно обрел строгость

черт, перестал чесать выбритую накануне шею и покровительственно опустил руки на стол ладонями вниз, одинаково отставив оба больших пальца.

Нежин, по собственной традиции, забыл постучаться и вспомнил об этом, только опустившись в кресло, ровно на то место, куда указала ему пухлая рука. Он не мог точно сказать, когда был в этом кабинете в последний раз, – так много лет минуло с прошлого случая. Нежин украдкой окинул помещение взглядом. Почти ничего не изменилось. Лишь шире выпирают сдерживаемые пиджаком бока над высоким креслом напротив, да огромный портрет появился на стене. Должно быть – отец.

– Нежин, – заговорил звонкий не по годам голос, и Нежин еще ниже опустил голову. – Как работается? Как здоровье?

В ответ Нежин лишь неопределенно пожал плечами и кисло поморщился в своего рода улыбке.

– Мне стало известно о том, что вы включены в Программу, – продолжал голос, не подозревая о своей смехотворности. – Что же вы мне сами ничего не сказали? Что? Ну ладно, ладно. Может быть, и правильно, что вы не ищете легкого пути. Но Программа есть дело серьезное. И стало быть, не вам и не мне решать, как с ней поступать. Мы все, как говорится, должны, и точка, – толстый указательный палец, не изменяя предназначению, звонко ткнул в лакированную поверхность стола и – позабытый – остался вычерчивать там круги.

Нежин по-прежнему не понимал, чего от него хотят. Он начал смутно догадываться, что все происходящее как-то связано с той женщиной – не Мишей, которую он почему-то пока к женщинам не причислял, – той, с восковыми руками. И Комитетом. И даже с Верой. Нет, ее приплел, кажется, зря.

– Комитет прислал мне все бумаги. Теперь, учитывая ваш возраст и отдаленное от службы место проживания, вы можете посещать только половину рабочего времени, – Сочин отвернулся, точно делая непристойное предложение. – С сохранением заработной платы, естественно. Как всегда, на Программу дается около года. Говорю «около», потому что... Что вы и сами это знаете. Все в конечном пересчете зависит от результата. Так что старайтесь, Нежин, старайтесь.

Сочин говорил все это с натугой и едва скрываемым неудовольствием. Закончив, он с неприкрытым сомнением посмотрел на согбенную массивную фигуру сидящего перед ним человека. Сидящего в достаточной близости, чтобы быть орошаемым прытким крапом застойной слюны. На кой черт он им понадобился? Такая развалина в такие годы. Странное все же чувство юмора у ребят в тех белых, изукрашенных позолотой кабинетах.

– Ну так что? – позвал Иоганн Захарыч слегка нервно. – Стало быть, все решили...

Нежин сидел неподвижно. Трудно было заключить, слышал ли он хоть слово из сказанного. Сочин снова вопросительно взглянул на него, не зная точно, какого ответа хочет.

Нежин продолжал, не издавая ни единого звука, смотреть в пол. Не было видно, открыты ли вообще у него глаза. Иоганн Захарыч невольно поджал под себя сдавленные новыми ботинками ноги.

– Вообще-то, если говорить честно, – злорадно произнес он, – еще недавно я собирался... Вернее будет сказать, раздумывал о вашем месте. Вы, знаете ли, хотя и работаете здесь столько лет, не очень хорошо показываете себя в последнее время. Энтузиазм на нуле. Молодые сотрудники жалуются, что не могут найти с вами общего языка. Одеваетесь черт знает как. В общем, никаких намеков на ответственность. Да еще в такое время. Да, все мы пережили многое. Но это никому еще не дает прав... Да еще, повторюсь, в такое время. Так что я очень серьезно подумывал о том, как вы сможете продолжать работу с нами. Но удача оказалась на вашей стороне. Уж не знаю, с каким макаром вы там договорились в Комитете, но они работают, к сожалению, независимо ни от кого. Ну почти ни от кого. Все это, в общем, очень для меня странно.

Нежин был безучастен.

– А теперь можете идти, – недовольно закончил свою отповедь Сочин. У него не было сил на этого человека.

Нежин тотчас же встал с несвойственной ему легкостью и вышел, оставив Сочина одного, взопревшего и опустошенного.

Постепенно Иоганн Захарыч успокоился, закурил и вновь

стал тайком поглядывать на укоряющий портретный лик.

– Надо все-таки заказать еще бюст, – произнес он мечтательно. Но тотчас что-то вспомнилось, в одно мгновение скривив ему лицо, еще за секунду до этого волнительно-детское.

Какой же отвратительный смех дала природа некоторым женщинам.

10

Горячая вода с розовым мылом. Много ли отдушин у пилигримов? К счастью всех, страдающих от неспособности сбрасывать кожу, остались далеко позади незатейливые времена ледяной проточной воды и тошнотворной мыльной пены вокруг курящих жертвенников.

Две чуждые друг другу, но давно породнившиеся субстанции избавили наконец Пилада от постылых ощущений, скопившихся за долгие часы поверх него. И руки словно перестали быть чужими. Странные слова сторонних речей, в обилии услышанных им в это утро, отлетели прочь, но даже с порядочного удаления продолжали саднить затылок, напоминая о себе.

Пилад открыл несдержанные на эмоции краны – женственные органы в целом отчетливо мужских смесителей. Умываясь, он с особой тщательностью задержался на висках и в складках за большими мохнатыми ушами. Бороду снова

пришлось долго и муторно вытирать.

Пилад так и не пришел к окончательному выводу, что же более утомительно для него: ежедневно бриться или осуществлять хоть какой-то минимальный уход за разнузданной кучерявой растительностью на своем лице. Бритье, впрочем, тоже не выглядело у него никогда пристойно. Пена вечно ложилась до смешного неровно, копилась в ушах, на ключицах, где дремала и видела, как достанет однажды до глаз. Сквозь не по-мужски пухлые губы мыльная горечь неизменно ухитрялась пролезть в рот, понуждая гордого косаря отплеываться. Изрезанный и уставший Пилад не всегда замечал остатки пены за мочками, и, забытые, они сохли там, отнюдь не рождая из себя афродит, но лишь гнев нетерпеливой и не столь уж внимательной в остальном Веры.

После лица Пилад с нервной старательностью вытер руки. Волосатые и огрубевшие, они уже совсем не напоминали прежние, когда-то единственные среди сверстнических уверенным движением раскрывавшие садовым ножом рот молчаливой лягушке. Смежив глаза и еле заметно шевеля губами, Пилад принялся что-то подсчитывать, но результат был уже известен.

Не раздумывая долго, он отложил полотенце, разделся и полез в немой чугунный саркофаг, белый, но жаждущий хоть раз одеться багряным. Сидя на корточках и подставив уставшую спину теплым струям, Пилад вдруг увидел прямо перед своим носом бутылку шампуня, чужую, никогда не встречав-

шуюся прежде. Она стояла на краю ванны, неуверенно наклонившись, готовая упасть к нему на колени. Он не стал знакомиться. Вместо этого поспешно поднялся, почти что вскочил, будто завидел надвигающуюся крысу, и огляделся. Кроме шампуня тут же была выслежена чужеземная зубная щетка... И пузырек без этикетки с неизвестным мутным содержимым, и несколько подозрительного вида извитых волосков на голубоватом кафеле.

Пилад ошарашенно водил головой из стороны в сторону, цепляясь взглядом то за тот, то за другой пришлый предмет. Подоспел и внезапно ударил в нос посторонний запах, скверным чудом не отмеченный раньше. Пилад брезгливо выключил воду и освободил ванну. Два полотенца со змеевика были тщательно ошупаны и обнюханы. Наконец Пилад выбрал вызывающее наименьшие сомнения и нерешительно поднес его к успешному озябнуть телу.

В кухне горел свет – еще один вопрос к усыпленному вниманию. Держа стеклянную дверь непрерывно в поле зрения, Пилад быстро проследовал в свое убежище. Немного постояв на пороге и не найдя ни звука, он ошупью пересек комнату и бессильно опустился на стул. От скрипа повеяло смутой и старостью – никто не отозвался из темноты.

вевающийся во все стороны, однако успевающий при этом расторопно, словно на средневековых полотнах, прикрывать наиболее телесные места ее молодой заносчивости – храня изощренность целомудрия. Ради строптивой и обращенных к ней умов. От ее свежего дыхания, чуть кисловатого со сна, стало еще теплее. Здания же повсюду продолжали отапливаться. Все окна были растворены. Зал, где работал Нежин, занимал целый этаж. Вкатывающийся в душное помещение ветер не находил препятствий, весело носился между столов и стульев, но, глянув в беспросветные лица, с ужасным завыванием вылетал вон уже с противоположной стороны здания, оставляя за собой неуклюжих, разомлевших от непривычного солнца шмелей. Не проснувшиеся до конца, они ошале-ло кружили над столами, но быстро уставали и падали вниз. Нежин то и дело бегал к открытой фрамуге с очередным мохнатым гостем на листе бумаги. И тот, немного покружив на свободе, чаще всего возвращался. Но всю безысходность своих стараний Нежин осознал, лишь увидав над перегородкой лицо Бергера и его улыбку вслед за невнятным хрустом.

Нежин не забыл наставления, извергнутые на него в затемненном пыльном кабинете с взводом пошлейших статуэток и портретом какого-то ряженого под потолком. Он не забыл о своих новых привилегиях, но продолжал сбегать из дома. В основном – от нестерпимости звука, издаваемого ломающейся привычкой; но и со страха тоже. Странно: среди этих, чужих ему людей он хоть и не был самим собой, но

чувствовал себя гораздо покойнее.

Отныне за ним не следили, и Нежин сообразил, что в настоящем случае не интересуется никого принципиально. Как видно, слух разошелся, и даже ясная Миша без каких-либо объяснений стала подчеркнута холодна, переехав из звучного майского утра в сухой октябрьский вечер. Постепенно Нежин утратил свою редкую способность не замечать ничего вокруг, сокровенные образы потускнели, а панорамы упрямо вытягивались памятью одни и те же. Вместе с тем он начал ощущать некий необъяснимый стыд перед всеми и через какое-то время стал незаметно покидать службу в тот момент, как прочие отлаженно шли на обеденный перерыв.

А шмели все прилетали и прилетали.

Скитаясь по городу и как можно дольше оттягивая отъезд домой, он часто заходил в любимый магазин и простаивал там часами перед книжными полками, что-то изредка листая, но больше – просто вода взглядом по названиям и неуместным картинам, взирающим на него то с одной, то с другой обложки.

Магазин, как правило, пустовал. Не заманить теперь было даже погреться. И одинокая Марта – привыкшая к Нежину, как к неизбежному в проходных местах сквозняку, – осталась совсем не у дел. Окруженная унылыми текстами унылых мужей неостывающая наяда все же продолжала отчаянно следить за собой и малейшими дуновениями, изнывая, словно олицетворение новой поры. Била линейкой мух или

начесывала гриву своих медных волос, что совсем не старились и совсем не гармонировали с ее быстро увядающим лицом, отпечатавшим прискорбную неполноту.

Нежин изредка посматривал на ее прихорашивания и, как ребенок, тихо улыбался.

Однако домой рано или поздно приходилось возвращаться. Для него это было настоящей пыткой. Магазин неминуемо закрывался, и Марта, не обращая внимания на умоляющий взгляд, безжалостно гнала бескрылого паразита наружу. Нежин пробовал прикинуться бездомным псом, но собач Марта не любила. Лишенный укрытия, он поглубже забирался в панцирь и безвольно брел к машине. Не мог даже в злобе пнуть колесо. Усаживал себя осторожно, а спустя невыносимо короткое время целый и невредимый уже поднимался по знакомой лестнице.

Несколько дней ему вполне удавалось избегать встреч. Его комната надежно запиралась на ключ, и покою мешали лишь звуки, доносившееся с чужой половины некогда его квартиры.

12

До заката еще оставался какой-то срок, но холод, внезапно оживший словно бы из ниоткуда, покалывал сквозь легкую одежду. Пилад шел по лесу, вдыхая новые запахи и последние минуты длинного, но неизбежного в своем распорядке

дня. Все, что попадалось глазам, было бессовестно пресыщено броскостью: повсюду разбросало следы нового рождения.

И все же наваждение было каким-то неполным. Пилад понимал лишнего и оттого злился еще больше, лягая трухлявые пни и заламывая руки. Ужасно, когда не можешь по достоинству оценить простые чудеса, вдвойне неоценимые в силу мимолетности.

Когда смотришь на расцветающее дерево, великодушно терпящее подрагивающих птиц и нервных насекомых, одурманенная голова отказывается верить в его бездушность. Мерки, изобретенные людьми для вычисления близости к высшему, сошли бы за добрую шутку, коль скоро бы уже минули вереницы напоминаний. Благо, что глухи невозмутимые зеленые гиганты, намертво вцепившиеся пальцами в землю и способные пережить столько смертей и возрождений, суеты на уровне кустов.

От ходьбы становится жарко. Но это сможет обмануть человека, а никак не растение. Иголки впиваются в ноги, пролезая через щелки в летних туфлях, сквозь шелковые носки и шерстяную кожу. Но все равно так мягко под подошвами, чудится необозримая даль, к которой можно идти и идти.

Жарко. Так просто заставить человека выделять влагу: либо нагреть, либо хорошо испугать. Каждый второй идет еще дальше.

Чье-то пение. Почему названия птиц не возникают в голове? Как, должно быть, славно уметь назвать все, что видишь.

А вместо этого оторванные и разорванные в клочья либо надорванные, надкушенные и давно пустые – знания. При своей бестолковости почему-то абсолютно необходимые кому-то незримому.

Хороводят ненасытные плюгавые гномики.

Снова пение. И чья-то тень.

Куда же она исчезла? Ни шелеста крыльев, ни шороха шагов. Кажется, что-то привиделось и сразу осело на прокисших сетях мозгового чулана. Можно до тошноты ловить блуждающую где-то между пальцами мысль и не найти в результате ни одного пальца.

Знаете, какой запах доносится в такую пору из девственной лесной чащи?

Выходишь из леса (да, примерно как тот), вдалеке, через поле, виднеется город. Вдоль дороги сидят звери. Их глаза переполнены грустью. Они не понимают, что когда-то умрут, не слышали, горемычные, что существует смерть сама по себе. Потому не знают и самоубийств. Не подозревают, что жизнь вынуждена безоговорочно принадлежать кому-то. В таком неведении продолжают сидеть и грустить. Вот, кажется, дебри позади. Башмаки целят в ровные, прямые улицы. Она отправилась гулять туда, в отблесках электрических огней и свете луж. Но только вступаешь ногой на потрескавшийся камень – глазам открывается страшно запутанная система ходов и тоннелей под нависающей улейной грудой балконов и уродливых выступов, угрожающе затаившихся над

головой. Ходы без устали ветвятся, где-то сливаясь, где-то кривляясь зигзагами. Сбежали с вертелов и апатично бродят коты. Всюду под стенами покоится жемчужный собачий кал. От безвыходности продолжаешь искать. Здесь совсем не светло. Воздух пропитан удушливым дымом. Ничего не остается, как, давясь, шарить руками: по сыпучим известковым стенам, по мокрому от ночной росы – точно раздавленному – брусчатнику мостовой. Под ногти забивается влажная земля. И по-прежнему жарко. Лишь дразнит легонький ветерок. Нежный... как кожа на боках иных девушек. В цвету. Со стебельками вместо волос.

Что-то точно было. Она всхлипывает, она скребется где-то в темноте, совсем рядом, но не позволяет на себя взглянуть. Вообще-то она всегда ощущала гнусное удовольствие что-либо не позволять...

Продолжая искать, натыкаешься на выемку в стене. За ней короткий тупик. Там уже кто-то есть. Запах... Ах нет, это совсем не то. Все происходит не вовремя.

В такой день винтообразная клетка подъезда показалась исключительно отталкивающей. Даже воздуху, казалось, было здесь не по себе.

Первый этаж – царство полуразложившегося старика и его фетора. Следующие восемь ступеней благоволят легким ногам и станам.

Второй этаж – мертвый запах свежей прессы, распространяемый патронташем письменных ящиков, с некоторого

времени поголовно лишенных замков.

Третий. Жареная картошка – на караул.

Пилад безотрадно вел себя дальше. Старался ставить ботинки ближе к краям изъеденных ступеней, где им было меньше шансов в неурочный момент низвергнуть его – несвежего пенобородого аргонавта – вниз, в кромешную темноту. Вот и сосед мелькнул на своем обычном месте.

Опустошенная голова и обессиленное тело были странно тяжелы. Пилад сотню раз уже прокрутил в голове мгновения его спешного разоблачения и бесшумных прятков.

Еще этаж. И каждый шаг – точно огонь простосердного хромого кузнеца: слишком обжигает неотвердевшую душу.

Пилад переставляет ноги, косясь на проходящие мимо двери. Все замки молчат, и он может спокойно... Впрочем – ничего он не может. И что же все-таки придется стряпать, если придет намерение из одной кухни развести вонь на целый душный подъезд? Только картошкой, видать, не обойдешься. Откуда ее, кстати, теперь возят?

Наконец Пилад поднялся на свой этаж и замер, прислушиваясь и тем временем неслышно обыскивая себя.

В сумраке, разведенном с целью экономии и поддерживаемом в память минувших веков и кровопролитий, его рука никак не могла нашарить зажатым в ней ключом провал замочной скважины, возя где-то рядом по рельефной жестяной накладке. Издаваемый при этом скрежет сильно тревожил Пилада, и он отчаянно пытался свести свои поиски до

минимума. Однако нужная щелка никак не желала быть пойманной. Ее месторасположение на двери совсем потонуло в мышинных шорохах, и острое ключа в итоге съехало через покатый железный край на мягкую дверную обивку.

Неожиданно замок щелкнул сам по себе. Пилад удивленно уставился во тьму, не веря силе своей мысли, и в этот самый момент дверь толкнули изнутри. Пилад куда-то мгновенно пропал, а смятого Нежина обдало резким светом его собственной прихожей. Он сделал шаг назад, но броситься вслед беглецу не решился. Свет словно удерживал его, захватив в свой конус, и Нежину теперь был только один путь. Он провел ладонью по бедру, приглаживая брючину, и с опущенной головой робко вошел внутрь.

13

Рука, открывшая дверь, предупредительно указывая путь, провела в кухню и усадила на стул.

– Не могла поймать вас несколько дней. Вы совершенно неуловимый, – чуть сдобрено укоризной и присоединено к улыбке. – Я Ольга, помните?

Трудно было не заметить, что она вполне освоилась и уже не чувствует скованности первой встречи. Нежин, наоборот, погрузил свою косматую голову еще глубже в плечи.

На ней был надет престарелый фартук – палевый, с ужасными бордовыми букетами. Неужели она привезла его с со-

бой? Под фартуком обитали весьма просторные шорты, способные вполне на многое, и рубашка – как будто мужская, с закатанными выше локтей рукавами.

– Есть будете? – попытались выведать у Нежина между прочим.

Цветастые груди исчезли, уступив место клетчатой спине, перетянутой внизу кружевными завязками фартука.

Она существовала. Она попросила не молчать и направилась к плите, вилея бледными, слегка изогнутыми внутрь ногами. Голубые веточки проглядывали чуть выше икр и пропадали в молочной белизне бедер. Нежин заставил себя отвернуться. Более движений он не совершал, смиренно сидя с подобранными под стул ногами. В то время как на сковороде что-то извивалось и всхлипывало. Через минуту незнакомая безволосая рука с розовым треугольным рубчиком на запястье поставила перед Нежиным тарелку и заставила его вздрогнуть. На тарелке лежала аккуратно разграбленная кучка картофельного пюре и пухлая мерцающая котлета.

Прежних штор не было. На месте их дымчатого кварца висели легкие гардины, канареечно-желтые, в мелкий синий цветочек. Недолго Нежину мерещилось. Еще бы: перед ним были летние любимицы Веры, что вместе с остальными, по-разному привилегированными, все эти годы хранились на дне комода в его комнате. Нежин напряженно соображал, споткнувшись в дыму воспоминаний. Выходило, пока он зубоскалил с Мартой и неуловимыми видениями, заповедник

украдкой навестили. Хворые полунагие вещи, такой одинокий и неловкий воздух, старый неприбранный диван – все оказалось во власти чужого любопытства, глаз, не знающих покоя рук... Проблеск обретенных мест потух, сметенный досадливой злобой. Чувствительно зудя, вылупилось желание совершить что-то отчаянное, полное жути и мерзости, однако Нежин, сознавая вперед свое непобедимое безволие, все разогнал, убедив, что все это ударит по нему самому, по всему, что прижилось в нем зыбкого и слабого, то есть – по всему.

С силой всех возможных невоздержанностей, на которые только способны мужчины наедине с осквернившей что-либо женщиной, Нежин устался в окно. И увидел впервые за долгие годы по-настоящему ясное небо, наполненное до краев роями звезд, необъятное, черное до судорог в глазах.

Нежин услышал слова, обращенные, по-видимому, к нему, но ничего не разобрал из сказанного. Переспросить не смог, а вместо того пошел к холодильнику и принялся копаться там, инспектируя остатки своих запасов. На полках прибавилось, но Нежин все-таки смог отыскать останки палой ветчины, помидор и два кусочка подернутой сизым брынзы. Сжав все это в руках, он захлопнул коленом дверцу, но тут заметил нагло вспорхнувший с полу и недалеко приземлившийся жирный клубок пыли. Как только мог быстро, Нежин наклонился и, собрав воедино всю свою красноту, задул его под холодильник.

Убедившись, что оба остались незамечены, Нежин прикрылся собственной спиной и начал нарезать ломтиками найденное добро и раскладывать на тарелке со всем присутствующим ему чувством красоты. Разогрев это незамысловатое блюдо – так и не дождавшись расплавления сыра, – он сел обратно за стол и стал есть прямо из сковороды. Отчасти рагу портили запах плесени и кислотоватый привкус; Нежин продолжал жевать, не подавая виду.

Все прежнее, казалось, было забыто, однако такого Ольга Домотканая простить не могла. Стараясь не терять самообладания, но все же подрагивая интонациями, она осведомилась:

– Вам не по вкусу то, что я приготовила?

Вся неподдельность ее доброй воли и универсальность сотворенного ею ужина, по всей вероятности, не позволяли ей принять отказ без объяснений, поэтому, не дожидаясь ответа, она снова спросила:

– Так вам это не нравится? Что же вы обычно кушаете?

Она раздосадовано посмотрела на тяжелый, словно чекаленный прямо на земле профиль, продолжающий молча поглощать свое неаппетитное рагу.

– Отвечайте же. Так не ведут себя с женщинами. И потом, я должна знать, что вам готовить. Ведь нам жить вместе.

Последнее вынудило у Нежина паузу. Он без доверия оглядел негодующую жрицу затеплившегося на пустом месте очага. И откуда, спрашивается, в этой женщине, такой

робкой и пугливой, взялось столько уверенности и напора? Роды их, во всяком случае, были скоротечны. И, как всегда, вопросы. Живет ли в каком-нибудь неведомом крае некто, никогда не задающий вопросов?

– Для меня это... Тут бы другой лучше мог сказать. Ну, как-то, стало быть, так... в общем, вам должно быть понятно. Короче, я решил... Выходит, что так. И пока... – Нежину не по силам было разъяснять что-либо.

Прирученная вилка в трансе маячила над столом, не видя, кого разить.

– Я не хочу. Пока не хочу... И не могу. Это ведь несложно понять. Я, наверное, готов... в определенных преломлениях. Как бы уж это сбрехнуть, чтобы раз и навсегда? – заметил в сторону и тотчас потерянно замотал головой. – В смысле, пока не очень готов, но буду... Постепенно.

Ну вот. Давно утраченный опыт. Устная речь. Заодно объяснения перед женщиной. Чем не оправдания?

Все это время Ольга Внимающая задумчиво кивала, своим видом преимущественно выказывая надежду, нежели согласие. Тарелку убирать не стала, будто вообще забыв о предмете их разговора.

Нежин между тем снова замолчал, вполне, кажется, удовлетворенный своей речью. Сидел смирно, двигался скромно, жевал, изредка посматривал, но Ольга оставалась в состоянии глубокого раздумья. Выражение досады делало ее лицо еще чуточку некрасивее. Нежин нервно отложил вилку.

Ему вдруг захотелось сказать что-нибудь крайне приятное и тем вызвать улыбку... или хотя бы вернуть ту робкую улыбку их первой встречи. В какой-то момент Ольга все-таки подняла глаза, почувствовав на себе взгляд, а за миг до этого Нежин незаметно вернулся к кормлению.

Ольга Терпеливая предложила чай и кофе, но оказалось, что жилец не пьет ни того ни другого, а уж тем более – еще один шаг назад – не держит спиртного, которым она теперь без долгих колебаний не прочь была угоститься сама.

После еды Нежин удалился в свою комнату, нерешительно ступая по чисто вымытому полу. Удовлетворившись на первый раз малым, Ольга Предусмотрительная тревожить его не стала и, расправившись с посудой, ушла спать.

Птицы во дворе начали робко голосить. Резко и зло где-то отвечали им окна.

Лишь дождавшись затишья за собственной дверью, Пилад осторожно вышел и, убедившись, что свет везде погашен, проскользнул в ванную. Там долго без наслаждения мылся, постоянно опасаясь и не зная наверняка, что способны пробудить его громкие всплески.

Вода осторожно сочилась вниз по телу. На выступах из струй выбивало неуловимые капли, тут же теряющиеся внизу среди журчащей, слегка помутневшей с пылу жидкости. Пилад водил рукой, едва заметно поглаживая кожу. На внутренней, по-особенному нежной стороне повыше локтя пальцы совсем неожиданно нащупали нечто чужеродное. Пилад,

уже собравшийся вытираться, хмуро заглянул к смутившему напоследок месту. Тощий молодой клещ, зачем-то подражая страусу, бесстыже зарылся в отвлеченную Пиладову плоть. Пилад, не откладывая, равнодушно оторвал его и даже не успел заметить, когда бурое тельце скрылось в клокочущем зеве водостока.

И снова даль, и шум в ушах.
Тяжелых дум приют в бровях.

14

Несколько дней Пилад почти не выходил из своей комнаты, укрепленной на манер старых замков – лишь голодом да свободной волей. Сопел в бороду. Слюнил палец. Читал. За-вороженно и отрешенно.

Еще с ранних лет он испытывал необычную ревность ко всему увиденному и унесенному. Все то, чему достало смелости прикоснуться к нему и поглотить, переходило в его мир. Безраздельно. И когда чья-то нечистая рука проникала через призрачный купол и вытаскивала наружу подданных его необитаемого острова, затем чтобы поднести к прищуренным тупым глазам, а после еще и попытаться дать этому надлежащее толкование, на радость школьным учителям и авторам учебников, – мальчик страдал. Челюсти плотно

сжимались, лоя судороги, а руки искали что-нибудь колющее, или лучше – рубящее, предназначенное избавить от лишнего веса бесправно отяжелевшие головы.

Случись чудо, а в руках – последний на белом свете экземпляр, к примеру... Пилад не мог определиться; на роль образца пошел любой бы из его библиотеки... в таком фантастическом месте Пилад перечитывал бы застилающимися глазами и следом разрывал каждую страницу. Только тогда они с автором перенеслись бы достаточно далеко – где всегда вечер, где можно до бесконечности прогуливаться по ясеневым аллеям. Только тогда бы Пилад был уверен в своей недостижимости.

Разве не простительно бредить своим миром, когда окружающий не дает места для уединения – а лишь вид чужого зада перед лицом?

На протяжении нескольких дней до Пилада часто доносился стук. Стучали в дверь, но он лишь мотал головой и бурчал себе под нос заклинания.

Масса времени свалилась на голову. Новые просторы действовали дурманяще, пальцы терялись в бороде и аукали. Брови не замирали ни на минуту. Пилад то читал, то проваливался в блуждания, а когда приходил в себя, обнаруживал, что спешить – спешить на водопой, спешить к голоду, засыпать либо просыпаться – просто спешить, – отныне нет надобности, да к тому же глупо и безвкусно. И тогда он загадочно улыбался самому себе.

Пробуждаясь – все большую свободу давала себе здесь со-
млевшая привычка, – он чувствовал себя исключительно го-
ризоньальным, все остальное была воля додумать. Он насе-
лял собой совсем иные места, подолгу не открывал глаз и
приписывал доходящие до него звуки вымышленным пред-
метам и явлениям. Широко зевал и как бы нечаянно пока-
зывал язык ропщущей и бледнеющей – маскирующей под
потолок – действительности. Чужой действительности, сло-
женной им с себя без возражений. Когда ж он наконец от-
крывал глаза, все в один миг переворачивалось, обстанов-
ка менялась, с наглостью протея вмиг переставляя свои ча-
сти, расширяясь или сужаясь по необходимости. Свет лился
совсем с другой стороны в трижды другую комнату, на дру-
гое ложе и на Пилада, ничем не напоминающего прежнего,
бывшего вполонину моложе. Невыносимость всех этих ме-
таморфоз, к которым невозможно привыкнуть, ибо сталки-
ваешься с ними на выходе из состояния положительно чи-
стого, невыносимость их вынуждала обратно жмурить гла-
за. Через несколько секунд головокружение проходило, язык
с трудом отклеивался от неба, и борода еле заметно криви-
лась в невразумительной улыбке. Атлант же, забыв о вверен-
ной ему ноше, сбегал гонимый любопытством, а возвращал-
ся, шатаясь, разгребая творожистое небо горстями.

Если бы Пилада могли видеть в такие минуты, то, вне вся-
ких сомнений, испугались бы, не зная, что замышляет его
нескладный, неистоцимо безмолвствующий человек.

В один в меру прекрасный момент после привычного отрывистого стука дверь все-таки отворилась, и в комнату уверенным шагом вошла Ольга. Нежин как раз отвлекся от чтения и лежал с закрытыми глазами. Разглядев ее сквозь мерцающую щелку слегка разомкнутых век, он кое-как подавил накатившую было дрожь, обыграв ее ворочанием спящего. Даже попробовал всхрапнуть, но вышло не слишком правдоподобно, и он замолчал.

Ольга не уходила. Склонившись, она пристально его разглядывала. Нежин в напряжении ждал, что будет. Одной половиной он был уверен, что выдал себя, и с мучительной тревогой, близящейся к ужасу, представлял, как до него дотронутся, гадал, на который из расслабленных членов падет выбор. Он уже легко подрагивал в ожидании тряски. Но Ольга лишь позвала его, достаточно, впрочем, резко и громко. Нежин поспешил открыть глаза, не дожидаясь ни усиленных мер, ни исчезновения оптической иллюзии.

– Доброе утро, – и ничуть не сконфуженная Ольга во весь рост. – Вы что, действительно не ели все эти дни?

Нежин попробовал легонько махнуть рукой в последней надежде разогнать морок.

– Пусть это будет ваше приветствие, – невозмутимо ответило ему видение. – Так вы вправду голодали? Ради чего?

Нежин собрался пожать плечами, но Ольга избавила его от этого, уже зачав новый вопрос:

– Почему вы мне не открывали и даже не отвечали, когда

я стучалась? Вы не слышали?

Вопросы ради вопросов.

– Ну да ладно. Вы мальчик взрослый. А я пришла напомнить вам о том, что сегодня воскресенье и пора идти на службу.

Только теперь Нежин обратил внимание на своеобразность ее наряда и понял, о службе какого рода идет речь.

– Ну что же вы лежите? – Ольга с легкостью взяла строгий тон. – Вставайте, мне совсем нет нужды опоздать.

– Я останусь, – с трудом выговорил Нежин. Хрипло и отрывисто, но прежде отвернулся к стене.

– Как не пойдете? – Ее удивление звучало предельно искренне.

– Понимаете ли, я никогда, собственно, и не ходил, – ему хотелось натянуть на голову простынь, но та почему-то не давалась.

– Как?

Раздался шорох платья, и диван вместе с Нежиным наклонился под новым весом.

Занялось молчание, и Нежин ощутил себя фантомом, столетиями считавшимся повсеместно за выдумку.

– Когда же вы в последний раз причащались? – ни капли шутовскости не было в этих словах.

– Причащался? – удивился немного Нежин. Впрочем, совсем немного. – Да пожалуй, что никогда. Я непричастный.

Ясно слышался звон его придури, разбивающейся о на-

пудренный Ольгин лоб, и Нежин зажмурил глаза, словно ожидая задом пощечины.

– А если вы про необходимость, порядки там, знаете ли, или уместнее – правила... распорядки прямо с грядки, – не удержался Нежин, – то я с ними со всеми и так виделся в Комитете.

– Да, но это ведь не самое главное, верно? А как же чистота? Как же... как же спасение? Вы не считаете, что без посещения званных мест, вам...

Она хотела еще что-то сказать, но вместо всего поднялась. И присмирившего Нежина тряхнуло за все несклеенные лоскутки у нее в голове.

– Я, естественно, понимаю. Личное как будто дело... Но все же как-то нехорошо, – доложила она тихо.

Действительно, нехорошо застыло в воздухе.

– Так вы не пойдете?

Нежин покачал головой. Чтобы не лежать истуканом и быть правильно понятым, он аккуратно нащупал книгу.

Ольга с минуту смотрела на его сгорбленную спину. А там повернулась и в некоем забытии пошла в прихожую. Поступь была совсем иной, нежели когда она входила. Нежин успел обернуться. И с любопытством и тревогой размышлял, что возымело подобное действие. Наконец он заставил себя подняться и поплелся, улыбаясь нетвердым ногам, вслед за ней.

Пока она одевалась, он стоял рядом, созерцая через зеркало свою отрешенную соседку. Впервые разглядывал ее черты

на протяжении такого внушительного промежутка времени. Глаза – серые, большие, раскосые, немного рыбы, казалось, занимают большую часть лица. При этом их настолько разнесло природой в стороны, что с расстояния Нежина в случае прямого взгляда пришлось бы поочередно смотреть то в один, то в другой, а чтобы поймать одновременно, очевидно, пришлось бы удалиться в другую комнату. Самое же простое – бегать глазами – Нежин уже неплохо умел. Брови, от природы почти бесцветные, были сильно выщипаны и почти не видны. Короткий нос, на кончике которого явственно проглядывали угловатые хрящики, не получалось определенно отнести ни к прямым, ни к вздернутым. Он оттенялся большими губами, навязывающими лицу в целом оттенок непреходящей девичьей обиды. Все эти черты, способные по отдельности стать очарованием и произвести обладательницу в категорию манящих, принесенные бледным скопом, смотрелись капельку несуразно.

Она расправила, приложила к груди – а потом уж только повязала – платок. Спрятала свои бледные невесомые волосы – ни намеком не взывающие к пороку.

Уже за дверью Ольга Страждущая посмотрела на Нежина и в сердцах покачала своей убранный на чужой сомнительный вкус головой.

Облака. Безмолвные и послушные. Грустные, словно гениальные дети. Потомство чьего-то недоступного глазу союза. Сколько на них ни смотришь, счесть их не можешь. Одни – изумительные, другие изумляют редкой уродливостью. Их недолговечная неверная сущность, должно быть, родилась в самых далеких слоях атмосферы. Надо полагать, не обошлось без очередного, так милого древним кровосмешательства, неизбежного, если посудить, для первооснов, порожденных к тому же состоянием, весьма чуждым заветной морали.

Пилад мог теперь подолгу разглядывать небо в различных его брожениях. Прижавшись щекою к краю подоконника, он умиротворенно кивал царившей над ним невесомости и безмятежности. Где-то он шептал и понимал, что все эти созерцания стоят лишь самих себя и не более. Слишком уж туго приходится тем живописцам, что всецело отдают себя подобным – бесконечно восхитительным и бесконечно пустым – красотам.

Ольга со всей присущей ей аккуратностью регулярно покидала дом – который она, кажется, уже считала полноправно своим, – в основном по воскресеньям, но случалось, и в другие дни. Возвращалась обычно молчаливой и по-особенному хмурой. Пилад начал с волнением замечать за собой,

что в такие минуты чему-то внутри него становится неуютно. Эта же обновка неумолимо толкала расспрашивать Ольгу о причинах ее плохого настроения и незаметно делать все, что ей пригрезится, только бы вернуть на прежнее место уже ставшую привычной улыбку напоминающих тесто губ.

Но после долгих внутренних приказов и насмешек он время от времени все же заставлял себя хранить молчание. Правда, никакого холодка, источаемого дыханием сохраненной гордости, по причине, для него не до конца ясной, не ощущал. Взамен ему вручали очередной рассказ о далеком деспотичном создании, которого отведали тысячей неуловимых раз и возле которого так терпеливо ждали Нежина. Поначалу тот пробовал уходить к себе, вызывая скорбь застывших на бледном лице водянистых глаз. Но постепенно, а более все же – вдруг, разговорился. Даже попробовал спорить с ревнивой иступленной женщиной. И нередко своей очередной репликой попросту ошеломлял. Приходилось его собеседнице краснеть против своего малокровного естества.

Их разговоры стали случаться практически ежедневно, по большей части – за едой. Нежин понемногу дал отвоевать эти избранные часы и проводил их отныне в скромном, но живом обществе, смущенный видом приготовленных для него блюд.

Ел он вместе с тем мало. Не в пример Ольге, наводящей на него близкое к страху удивление своим аппетитом и способностями, совершенно не оправданными скромным, даже

местами хрупким телом. Она ела быстро, мелко гримасничая и часто облизываясь. В эти моменты, которые, думается, вовсе не считала интимными, она напоминала мышь или вроде того – лишь с очень крупными для своего рода глазами. От напряжения, производимого деталями ритуала, глаза ее останавливались и краснели, а кончик носа едва различимо белел. Все напитки без исключения она пила коротенькими пытками, вытягивая вслед за губами шею и щуря глаза. Отпив, глотала не сразу, а неизменно предваряла движение плоского кадыка полосканием рта, будя по первости у своего сотрапезника желание к безоглядному бегству – из собственного одушевленного дома, которого он, разделив с первым встречным, уже не слышал, не чувствовал его суточных пульсаций и знакомых смен настроений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.